

Темнота порождает доверие.
Поэтому он убивал их на рассвете

КЛУБНЫЙ МАНЬЯК

ИВАН КОВАЛЕНКО

Иван Юрьевич Коваленко
Клубный маньяк
Серия «Метод молчаливого
допроса. Детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70134337

Клубный маньяк: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-197542-5

Аннотация

В Москве орудует маньяк, прозванный «клубным». Свои жертвы он выбирает на техно-вечеринках, после которых провожает девушек домой и там расправляется с ними. Полиция подозревает, что в деле замешаны таксисты, развозящие под утро одурманенных танцоров. Но Тимофей Лотоцкий, сыщик, владеющий уникальным методом «молчаливого допроса», не согласен с этой версией. Пытаясь проникнуть в атмосферу подобных party, он вместе с коллегой по работе Варварой проводит в одном из клубов целую ночь. Но и здесь... ничего.

Неожиданно сыщикам становится известно, что в одном из хосписов есть пациент, который утверждает, что знает, как найти маньяка. Интересно, что может сказать умалишенный старик, чудом выживший в тяжелой автокатастрофе? Однако Тимофей хватается за эту зацепку и спешит «послушать» необычного свидетеля...

Содержание

Пролог	8
Ангел-хранитель и его подруга	12
Три убитые женщины	17
Никчемный человек	21
За 4 часа до убийства	23
Тропарево, где ночью кто-то умер	26
Искусство любить и просто быть рядом	35
Всем нужен чудотворец	40
Можно ли оправдать убийцу?	45
Когда-то. Повеселись с нами, детка!	50
Эхо прошлого	55
«Молчаливый допрос» и миллион ярких одежд	63
Прекрасная Варвара	67
Она могла бы взять его за руку	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Иван Коваленко

КЛУБНЫЙ МАНЬЯК

© Коваленко И.Ю., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

ИВАН КОВАЛЕНКО

МАНЬЯК

Москва
2024

КЛУБНЫЙ МАНЬЯК

Пролог

ОН УБЬЕТ

Иногда дни бывают прозрачными, и все в них кристально чисто, как в графине с родниковой водой. А иногда похожи на мутную городскую реку, которая меняет свой цвет с коричневого на серый или с темно-зеленого на цвет беспамятства. Что делать с такими днями?

Когда-то у меня были жена и дочь, но я их не помню. Я, честно говоря, вообще ничего не помню. Врачи говорят, они обе погибли несколько лет назад в жуткой аварии, где из трех человек только я остался жив. Но этого я не помню тоже.

Все мое прошлое – закованная в гранит городская река. Настолько мутная, что не понятно: есть у нее дно или его нет. Мерзкая вода.

Москва-река. И горожане-рыбаки, которые рано поутру замерли со своими удочками. Я один из них: пытаюсь выловить из своего прошлого хотя бы мелкую рыбешку. Вот-вот должен дернуться поплавок, и я что-то вспомню. Но нет.

Человеческий ум – загадка. Может стать для человека воротами, может открыть волшебные миры или поднять че-

ловека на высоты, недостижимые для птиц, но не в моем случае. Я старик без прошлого, а мое беспамятство – крест и моя обыденность.

Многие наверняка не поймут моей скорби. Поскольку мечтают как раз об обратном: проснуться однажды и ощутить себя чистым листом бумаги. Полагают, что, оказавшись без рюкзака с прошлым за спиной, им будет легче подниматься в гору или, что уж там, вместо крутого подъема вверх перед ними окажется долина с цветами, поющими птицами и чистым небом над головой. Это недальновидный взгляд на вещи. Без прошлого человек теряет себя. Поэтому правильнее меня назвать не стариком, а потеряннным. Осколком на полу. Консервной банкой где-то на обочине дороги.

Брошенной машиной с полуспущенными шинами.

Дальше обойдемся без аллюзий: я действительно ничего не помню. Такой вот подарок от Господа Бога. Каждый день я провожу в хосписе, где продлевается жизнь таких странников, как я, – людей без близких и, в общем-то, без какой-либо надежды. Некоторые из нас похожи на застывшие камни – как мой сосед по комнате, – потому что его ум перестал быть умом и все, что ему осталось, – это принимать из чужих рук пищу.

Некоторые тяжело больны физически, и участь первых показалась бы им избавлением. Самым несчастным не помогают даже болеутоляющие препараты.

А есть персонажи вроде меня – которые когда-то потеряли

своих родных, а потом и память. И единственным их занятием становится ловля рыбы – одно из едва ощутимых воспоминаний в этой чудовищной темно-синей реке по имени амнезия.

Рыбы – существа своенравные. Плавают где хотят, и окрас их может радовать, а может вселять ужас.

Моя память – это загадочный сундук, к которому я изо дня в день пытаюсь подобрать ключ. Бесполезно. Я бы, может, и забросил это занятие: лежал бы себе спокойно на постели, смотрел телевизор, листал страницы в Интернете. Но в моем сундуке что-то происходит. Иногда, кажется, я слышу голоса, а иногда ощущаю не оформившиеся в слова мысли. И все они говорят об одном: этот человек начнет убивать.

Наверняка жена, которая у меня была когда-то (так говорят), или взрослая дочь, погибшая вместе с ней, нашли бы слова и помогли мне справиться. Сидели бы рядом. Но их уже много лет нет, а вместе с ними нет и меня.

Есть только человек, имени которого я не помню, внешность которого расплывчата, как вечерняя тень. И только намерения его мне очевидны. Убивать. Возможно, он уже начал это делать.

Его образ, который и образом-то назвать нельзя, посещает меня каждый вечер, когда я принимаю таблетки и ложусь спать. И в такие моменты я хочу одного: лишиться памяти окончательно. Потому что если амнезия в чем-то спасает,

то ощущение бессилия уничтожает окончательно.

Ангел-хранитель и его подруга

Мегаполис Москва. Одних он пугает, других вдохновляет, но большинству москвичей приносит растерянность: как сохранить внутренний мир посреди того, что и суеютой-то назвать нельзя, скорее, это чудовищное мельтешение без начала и конца. Без конца и какого-либо начала.

Тимофей и Варвара – двое полицейских. Сидят на скамейке в сквере недалеко от участка, пьют кофе и наблюдают за птицами. Голуби суеются под ногами, зяблики выводят трели, сидя на ветках деревьев, желтоклювые скворцы высматривают места для будущих гнезд, а серые вороны поглядывают на это свысока, время от времени устраивая между собой свой собственный, вороний, гвалт.

Тимофей и Варвара: оба молоды и оба необыкновенны. Или, наоборот, обыкновенны, потому что все в их жизни обыденно: оба работают, а вне работы у каждого обычные для всех заботы. Он ведет тихую холостяцкую жизнь 40-летнего мужчины, а она только что перестала быть женой. Ничего необычного.

Тимофей обещал себе не спрашивать ее о разводе, но почему бы, наконец, не спросить? Прошло три месяца, кольца она больше не носит. Раньше их было два: обручальное и еще одно, с небольшим камнем, на другой руке, а теперь ни одного. Слово вместе с браком она лишилась в своей жизни

чего-то еще. Самая красивая женщина в их участке, а может, и во всей столичной полиции.

– Тебе одиноко? – спрашивает он наконец.

Варвара продолжает смотреть перед собой, будто никакого вопроса и не было. Вообще-то они не только коллеги, но и товарищи, а возможно, друзья. По крайней мере, ему самому так иногда казалось. Но друзья не имеют тайн, а Варвара – одна сплошная тайна, по крайней мере, во всем, что касается личной жизни. Даже о том, что она с мужем расстается, Тимофей узнал случайно – Варвара вскользь сообщила об этом, пока они ехали в машине по одному делу. Больше на эту тему Варвара за три месяца не произнесла ни слова. Только через несколько дней с ее безымянного пальца пропало кольцо, а еще через пару недель исчезло и второе. И на кого она стала после этого похожа: на разведенную женщину или на невесту, – он понять так и не мог.

– Одиночество – это не приговор, – произнесла наконец Варвара и сделала глоток кофе из стаканчика. В голосе ее не было ни сожаления, ни показной бодрости. Просто ответ на вопрос.

Возможно, так и должны общаться настоящие друзья?

Накрапывал весенний дождь. Если представить, что даже у дождя может быть свое настроение, то этот был осторожным – как будто не решался нарушить хрупкую гармонию, которая установилась в городе. Снега не осталось, солнце со-

гревало прохожих, ветер разносил пыль, а тучи то появлялись, то куда-то исчезали.

– К тебе подходил Антонов? – прервала молчание Варвара.

– Пока нет.

– Ему понадобится твоя помощь. Возможно, он поймал убийцу. Но тот все отрицает.

«Как чаще всего и бывает», – подумал Тимофей.

К нему часто обращались за помощью. И какие только прозвища ему ни давали: «молчаливый следователь», «ангел-хранитель». Варвара иногда называла его «Израиль» – такой же мудрый, как эта приютившаяся посреди арабского мира страна, и такой же проницательный, как ее ветхозаветные подвижники.

«Молчаливый следователь». По большому счету, все именно так и было.

Еще не будучи полицейским он каким-то образом понял для себя, что истина чаще всего таится между слов. Это не имело ничего общего с кинесикой – полицейской методикой, когда подозреваемого оценивают с точки зрения мельчайших деталей в его поведении: мимики, движения рук или любой части тела – тех внешних проявлений, которые выдают лжеца на корню. Конечно, все это тоже важно и бывает прекрасным дополнением к выводам, которые Тимофей делал для себя. Но главным для него было молчание. А точнее тишина, которая свидетельствовала бы о полной

гармонии.

Абсолютной тишины не бывает – только в кельях христианских анахоретов. Но именно созерцание делало его самым необычным следователем и дознавателем – не только в Москве, но и во всей России, а может, и во всем мире.

К Тимофею приводили подозреваемых, когда не хватало доказательств их вины и нужно было понять, имеет смысл идти ва-банк на традиционном допросе, или это человек, на которого не следовало тратить время.

Ангел-хранитель, спасший отдел от многих ошибок и убедевший город от многих новых преступлений.

Как правило все происходит так.

Два человека сидят друг напротив друга: Тимофей и обвиняемый. А дальше – полчаса того, что можно было бы назвать мистикой. Хотя его коллеги предпочитали не называть происходящее никак. Просто сопереживали и ждали вердикта.

Все задержанные ждут вопросов и готовят к ним ответы. Тимофей же не произносит на протяжении получаса ни слова. И своим абсолютным молчанием разрушает все условности и рамки, которые до этого момента существовали.

Это можно было бы назвать искусством допроса, а можно – даром. Не было почти никого, кто бы остался для него загадкой в течение этого получаса. Лишь несколько раз Тимофей говорил: «Не знаю». Но чаще выходил из кабинеты.

та и сообщал своим коллегам: «Да, это он». Или же: «Нет, это не он». Или же: «По этому делу он невиновен, но это преступник. Поищите связи с другими делами».

Самое главное, что с юридической точки зрения это не было дознанием. По сути, полчаса молчания были для уголовного процесса вообще ничем. Поэтому эти «сеансы», как иногда их называла Варвара, проходили без адвокатов. Просто два человека сидели напротив друг друга. Никто никому ничем не обязан.

Три убитые женщины

Антонов – оптимист. Их коллега, о котором говорили, что он счастливо женат, а раскрывать дела ему помогает не столько ум, сколько умение на все смотреть позитивно, даже на убийства.

«Драма делу не поможет», – говорил он и выглядел каждый день настолько свежо и аккуратно, что и не подумаешь, что он с утра до вечера копается в уликах, а работу его оценивают с точки зрения того, сколько преступников он поймал, а сколько осталось на свободе.

Последние дни Антонов работал над делом, которое называли «убийство клубных девушек». В Москве в разных частях города находили трупы молодых женщин. Каждая из них накануне побывала в одном из ночных клубов на техно-вечеринке. Все они были задушены у себя в квартире, и каждый раз убийца не оставлял следов.

1. Мария, Анна и Елена.
2. 23, 24 года и 26 лет?
3. Светлые волосы, русые и черные.
4. Студентка, менеджер по продажам и консультант в магазине одежды.
5. Хамовники, Бутово и Тропарево.
6. Клубы «Соло», «Реванш» и «Хатха».
7. Все трое пили перед смертью алкоголь.

8. Никогда не были замужем и на момент убийства ни с кем не встречались.

9. Не знали друг друга, и их друзья не имели общих связей.

10. Все родились в разных городах.

11. У каждой своя судьба.

12. У каждой был iPhone.

13. Все трое регулярно ходили на техно-вечеринки. Кто-то чаще, кто-то реже.

14. Опустившиеся? Нет.

15. Дни рождения: 23 января, 6 июня и 14 августа.

16. Активно вели соцсети.

17. Селфи и фотографии города. Селфи. Селфи.

18. У одной из них (Анны) был попугай – его забрали соседи.

19. Три человека – это 0,00002 % от числа жителей города.

20. А если посмотреть иначе, то три вечности.

21. Но Антонов – оптимист. Порой таким необычайно везет. Настолько, что им впору завидовать.

Антонов, как обычно, выглядел бодрым и подтянутым. Невысокого роста, чуть-чуть полноватый. Густые темные волосы – из тех, что до самой старости будут оставаться густыми, даже если покроются сединой.

– Если это не он, то кто? – задал он риторический вопрос Тимофею.

Таким тоном, словно все в его картине мира уже решено

и расставлено по полочкам. Однако Антонов пришел просить о помощи, а значит, 100-процентной уверенности у него нет, и слова его – бравада человека, который живет в данный момент надеждой.

Тимофей внимательно слушал. Как всегда, он не хотел слышать всех деталей дела – они могут помешать процессу. Важны лишь общие черты.

– Бахор Шарипов, 34 года. Гражданин Таджикистана. Уроженец Худжанта. В Москве проживает один, последние четыре года работает в такси. В выходные неофициально дежурит возле ночных клубов и развозит посетителей по домам, рассчитывая на тех, кто либо оказался без смартфона, либо слишком пьян, чтобы пользоваться приложением, либо просто ленив и потерял от техно-вечеринки последние мозги. Тимофей Александрович, мы проделали колоссальную работу: его Hyundai был замечен на камерах в районе клубов, где бывали убитые девушки. По последнему случаю – с Еленой – доказательства прямые. На одежде убитой обнаружены волосы с тканевой обивки его кресел. Камеры подтверждают: он работал в ту ночь в том районе. И самое главное – в ее квартире, в прихожей, обнаружены следы его ботинок.

Антонов бодро отчитывался, однако оба понимали: улики серьезные, возможно, окажутся решающими, но сами по себе ничего не доказывают. И звучат примерно так: если у животного четыре лапы, хвост, продолговатая морда и сильный нюх, то это собака.

– Он все отрицает, – продолжил Антонов. – Вернее, отрицает причастность к убийствам. Мы пока не предъявили ему всех доказательств: он еще не знает, что мы нашли его следы в квартире. На это он ответит, что просто помог пьяной девушке подняться в квартиру. И доказать обратное пока невозможно.

В комнате ненадолго воцарилось молчание.

– Поэтому я тут, – подвел итоги Антонов, главный оптимист в их отделении полиции.

Осторожным движением он придвинул к Тимофею папку с основными фактами дела.

Никчемный человек

Молчание имеет разные консистенции.

- Плоское молчание, не имеющее в себе ничего – только внутреннюю пустоту и потерянность человека.
- Плотное и насквозь пропитанное грузом тяжелых поступков.
- Молчание так же плотное, но насквозь пропитанное ложью ради самой лжи.
- Мерцающее и готовое вот-вот исчезнуть – такое молчание окружает людей слабых, не имеющих в себе опоры.
- Стеклообразное и хрупкое – когда человек оказывается у грани, за которой видит возможность признаться и начать свою жизнь заново: пускай осужденным, но с чистой совестью.

Молчание Бахора Шарипова было совершенно иным.

Напротив Тимофея сидел невыспавшийся измученный человек. Помятая одежда, двухдневная небритость. Его даже таксистом экономкласса было тяжело назвать – просто человек, чья жизнь в какой-то момент потеряла привычные очертания. Минуты перестали быть минутами, часы часами, а дни готовы были вот-вот оборваться. По большому счету, Тимофею уже через минуту было ясно: такие не убивают.

Убийства, тем более умышленные, не порождают таких состояний. За плечами у мужчины, который убивает жен-

щин, должно прятаться нечто большее, нежели никчемность и неприкаянность, а именно они были всей сутью Бахора.

Если ты убиваешь, то имеешь систему, в чем бы она ни заключалась. Ты можешь быть рабом этой системы или ее творцом. Либо можешь сначала сотворить ее, а потом стать рабом. Но в любом случае серийные убийцы, какими бы разными они ни были и чем бы ни руководствовались в своих поступках, все они суть микровселенные, которые шире и бескрайнее того, что ощущал сейчас Тимофей.

А видел он напротив себя измотанного человека, который, несомненно, наделал в своей жизни достаточно ошибок, возможно, даже нарушал закон и даже был насильником или вором. Но не убийцей. Он действительно поднимался к Елене в квартиру, возможно, даже что-то утащил из ее сумочки. Но лишить другого жизни такой человек не способен.

Поэтому уже через двадцать минут Тимофей сообщил Антонову:

– Сергей Викторович, вам нужен другой.

Что означало: оптимистам не всегда везет. Что также означало: убийца находится на свободе и относится, по-видимому, к числу неуловимых. Как неуловимы большинство из тех, кто лишает жизни женщин, с которыми их ничего в жизни не связывает. Безусловно, в его поступках есть система, есть свои причины и законы, но пока они скрыты.

И иногда бывает так, что для раскрытия подобных дел нужен не только полицейский, но и волшебник.

За 4 часа до убийства

Чтобы стены перестали быть стенами, нужна громкая музыка. Мощная энергетика электронного техно, которая проникает в самое естество, заставляя танцующих терять самих себя. Процесс, который можно назвать вечеринкой и развлечением, а можно – «лиши себя всего человеческого». Хотя им самим кажется, что они подбираются к своей сердцевине. Обретают в себе *что-то*, что воссоединяет их с *чем-то*.

Стены, наконец, перестают быть стенами, а танцпол – танцполом. Все превращается в **пространство**, которое поглощает в себя и прошлое, и будущее. Остаются только **ощущения**, которые так легко принять за облегчение и истину. Поэтому столько людей улыбаются.

Лучше бы вас всех не было, но вы есть.

В ангаре. Обреченные.

Едва живые, почти что мертвые души.

И вот она – в белом обтягивающем топе. На коже – капельки пота. Глаза прикрыты. Улыбки нет: лицо, скорее, сосредоточенно. Этим она уникальна. Ей кажется, что звуки просвечивают ее душу, а на самом деле делают ее бесчувственной ко всему живому. Но поймет она это только завтра днем, когда почувствует, что внутри нее только пустота. Если проснется, конечно.

Или вот: разноцветная майка, на которой изображены какие-то индийские символы, которые что-то обозначают, но наверняка она сама не знает, что именно. Ей просто приятно соотнести себя с загадочным и далеким миром восточных религий. Смешно. Ей кажется: техно-клуб – это место, где буквы на ее одежде обретут какой-то смысл и она станет частью чего-то более космического, нежели ее душа, нежели ночь, для которой она сберегла последние свои силы. Высокая, рыжие волосы, почти нет косметики. От природы одарена живыми чертами лица. Танцует с открытыми глазами и тем самым пытается контролировать **реальность**, что вокруг нее, но потом, как и все они, опускает веки и принимается растворять себя в ритме, который растворил вокруг все живое. При этом чувствует себя живой как никогда. Но завтра все будет иначе. Она проснется обессиленной. Если проснется, конечно.

Или вот: она сидит на полу, в углу. Рядом с ней молодой человек, от которого остались только кожа да кости, а все остальное мертво. На них нет смысла смотреть: они пока вдвоем, но через некоторое время в ней (кто знает?) проснется чувство самосохранения, и она оставит своего молодого человека, который покажется ей не мужчиной, а чем-то вроде жалкого потерянного мальчишки. Вернется в середину толпы и породнится с музыкой, которую нельзя назвать музыкой. Приободрится. Решит, что познала себя по-новому. А завтра поймет, что это познание было ложью. Ес-

ли «завтра» наступит, конечно.

Их всех нужно спасать.

И в первую очередь ее: еще одну высокую женщину. Ту, что танцует у самого диджейского пульта. Единственная, кто по-настоящему нуждается в помощи. Я так и слышу ее душу.

Тропарево, где ночью кто-то умер

– Ну вот, Антонов теперь похож на царя безысходности, – сказала Варвара Тимофею вскоре после «молчаливого допроса», когда они направлялись к месту последнего убийства, совершенного вчера.

Сама она была похожа на королеву – так, по крайней мере, воспринимал ее он и ничего не мог с этим поделать.

Одинокий мужчина. Одинокая вновь женщина.

Они уже несколько лет работают вместе. Он раскрывает дела, а она помогает ему, и в ряде случаев без Варвары он бы не смог ничего. Например, у нее есть своя IT-бригада: группа самых лучших айтишников в стране, которые неофициально помогают ей отслеживать и выуживать информацию о подозреваемых в цифровом пространстве. Почтовые ящики, аккаунты, данные сервисов и банковских переводов. Вот к чему стремится наш мир: все действия переносятся в пространство цифр, где нужно находить несоответствия или уметь видеть совпадения.

Например, одно из последних дел. Именно Варвара с ее IT-бригадой смогла доказать, что несколько, казалось бы, не связанных между собой убийств молодых людей на самом деле были звеньями одной цепи. Просто убийца – молодая женщина – постоянно меняла имена. Напрямую (по банковским, скажем, переводам между ней и жертвами) связь от-

следить было невозможно, но на помощь пришли алгоритмы искусственного интеллекта, которые совсем скоро поменяют наш мир до неузнаваемости. Обработав невероятное число таблиц, именно они нашли взаимосвязи между денежными переводами, данными по передвижению, данными почтовых аккаунтов и так далее. Умные компьютеры, они уже делают часть работы за полицейских. Возможно, когда-нибудь они погубят мир, а возможно, помогут сделать его лучше, поскольку лет через двадцать ни от кого нельзя будет скрыться, и совершать преступления будет бессмысленно.

Однако человек все равно не перестанет нарушать правила, потому что это каким-то образом заложено в его природу. И об этом Тимофей думал все чаще. И даже иногда делился своими мыслями с Варварой.

– Многим людям мало того, что у них есть, – произнес он.

– Ты про Антонова?

– Нет, я про «вообще». Парадоксально. Если задуматься и посмотреть в суть вещей, то большинство преступлений совершается из-за того, что люди хотят таким образом добиться справедливости. Одних обидела судьба. Других – родители. Иным просто не вложили понимание, что есть границы, которые лучше не переступать. Времена меняются, но суть остается одна: человек любыми способами стремится к тому, чтобы все было справедливо, и кто-то ради этого готов ломать привычные законы и даже лишать других жизни.

– И мы для них злодеи, уводящие мир от истины?

– Возможно.

– Ты уже думаешь про «клубного убийцу»?

Варвара, сидевшая на пассажирском сиденье, повернулась к Тимофею и внимательно посмотрела на него. Ее взгляд был бездонным, как бездонной была она сама. Скорее всего, это одному ему кажется, что она особенная, потому что он к ней равнодушен, а так, возможно, Варвара – самая обычная девушка. Для него же она – олицетворение главной в его жизни несправедливости: что он по-прежнему один, и она, видя это, ничего не может с этим поделать. Или не хочет.

Но они оба сознательные и, прежде всего, коллеги. Сближаться в таких условиях опасно. Вот они и продолжают день ото дня пить кофе на скамейке и как ни в чем не бывало разговаривать о текущих делах. Как, например, об этом: когда непонятно, кто убивает молодых девушек, которым еще жить и жить и у которых, возможно, все было впереди. И каждая, безусловно, была по-своему красива.

Квартира убитой. Тропарево, пара кварталов от метро «Юго-Западная». Череда панельных домов, наспех возведенных незадолго до распада Советского Союза. Безликие сооружения. Жалкие метры, которые каждая семья обустривает по-своему. Чаще всего безвкусно, словно жильцы только и мечтают, чтобы этот дом стал их временным пристанищем.

Его, Тимофея, квартира – тоже небольшая, всего одна

комната, но очень уютная. Одна из стен полностью заставлена книгами, которые он привык читать со школьных лет и с тех пор не может остановиться. Сотни книг. В юности это были романы современных на тот момент западных писателей, затем он начал интересоваться советскими авторами (чтобы понять, чем дышали его родители), а сейчас – любой текст, который помогает понять не столько привычки людей, сколько природу их поступков. Потому что (и в этом Тимофей был убежден) все свои силы люди берут не из мысли, а из того, что лежит за пределами слов и понятных уму формулировок. «Направление ума» – он определяет это так. Направление, которое рождается в пространстве, о котором в полиции говорить не принято: в неощутимой зоне, где вечность соединяется с природой человека. В истоке, где еще не сформировались логика, время и расстояния, а присутствуют только тишина и ощущения, которые могут эту тишину укрепить или окончательно разрушить.

Так вот, книги. В квартире Елены их не оказалось ни одной. Мертвый дом? Тимофей сказал бы так, но в целом две комнаты производили впечатление вполне обжитого пространства. Все по-женски аккуратно: все разложено по своим местам. Недорогая мебель, недорогие шторы. Обои, которые раскрашены вручную, – в каждой комнате в свой цвет. Девушка старалась содержать свою жизнь в порядке. И последние минуты ее тоже не выглядели хаосом. По крайней мере, из протокола, который составил Антонов после осмотра

ра квартиры, было ясно, что никто ни с кем не выяснял отношения, никто не дрался. Даже в постели Елена лежала почти умиротворенно – раздетая и кем-то задушенная.

Фотографии бесстрастно зафиксировали, что ее легкие, горчичного цвета штаны и желтый топ лежали возле постели. Там же было брошено нижнее белье. Слишком небрежно для такой аккуратной женщины. Но в ней было как минимум несколько бокалов крепких коктейлей, а рядом, по видимому, находился мужчина, ради которого она, как могла, разделась, не подозревая, что именно в обнаженном виде встретит свою смерть.

Все вещи, которые могли дать хоть какую-то зацепку, были взяты на экспертизу, поэтому рядом с кроватью теперь было пусто. Голый светлый ламинат, подделка под массив дуба.

Следы таксиста были обнаружены только в прихожей. Так что, скорее всего, так и было: водитель помог Елене подняться до третьего этажа, потому что сама она была не в состоянии. Проводи он ее до постели, следы оказались бы и там. А если бы хотел их скрыть, то не оставил бы их у двери.

Убийца пришел позже. И за собой все хорошо убрал. А следы водителя оставил как приметку, которая может отвлечь внимание следствия. Странно, что Антонов этого не понимал. Воистину все оптимисты порой слепы.

В протоколе было указано, что iPhone Елены был на момент смерти при ней – в боковом кармане штанов. А вот де-

нег или карточек нигде не оказалось. Она могла потерять кошелек, но, скорее всего, он был украден. И сейчас тот случай, когда совершенно не важно – кем, потому что главная часть загадки – ее смерть. Положа руку на сердце, даже если вором является таксист, то его можно не задерживать: этот человек воровал и продолжит воровать, и ни тюрьма, ни увещевания его не изменят.

От владельца квартиры тоже никакой ценной информации – Елена жила тут последние 10 лет, всегда платила вовремя, никаких жалоб от соседей. На то, что плата за аренду проходила неофициально и без договора, Антонов решил закрыть глаза. Тимофей поступил бы так же.

Тимофей бродил по сорока квадратным метрам. Раз уж он взялся помогать с «молчаливыми допросами» и дело «зависло», то почему бы не посмотреть на место преступления. Та же самая беседа с тишиной. Причем с тишиной, которую уже ничем не нарушить. Даже звуки автомобилей за окном как будто стихли, и самолеты из соседнего аэропорта Внуково перестали летать, и птицы разом исчезли. Только стены, мебель из дешевого магазина да душа убитой, которая (кто знает!), возможно, еще ищет себе пристанище и блуждает сейчас по квартире, которая когда-то была домом для ее тела.

Стены, на которых столько лет отражались тени убитой. Окна, в которые она, возможно, смотрела по утрам. Балкон, где было обустроено пространство для отдыха –

деревянный столик и два складных стула. Вокруг – деревья. Солнце согревало балкон в утренние часы. В ста метрах от дома – проезжая часть, по которой с утра до ночи перемещались машины и автобусы.

Тимофей аккуратно переходил от одного предмета к другому. Что-то искал? И да и нет. Все, что можно было обнаружить, было обнаружено – Антонов работу свою знал хорошо. Даже задержание таксиста – это заслуга и успех, потому что с момента убийства прошло меньше суток, и ему с командой пришлось проделать колоссальную работу. Другое дело, что убивает кто-то другой.

На полке рядом с цветком стоял небольшой образок – преподобная Ксения Петербургская. Больше икон в доме не было. Небольшая деталь, которая могла бы сказать, что человек держал в глубине себя еще один потаенный мир, куда никому, кроме нее, не было доступа. Ксения Петербургская потеряла в молодости мужа и всю оставшуюся жизнь бродила в его одеждах. У Елены не было мужа. Молодого человека, судя по переписке в смартфоне и аккаунтах в социальных сетях, тоже.

Иногда квартиры могут многое рассказать о человеке (какие-то детали, предметы обихода), а иногда похожи на белую греческую скульптуру, у которой вместо глаз безжизненные зрачки, и что скрывалось когда-то в ее взгляде – непонятно. Вот и сейчас, в Тропарево, казалось, у Елены и не было никаких привычек: ни книг, ни творчества, ни молодого чело-

века, а была только рутина, отдыхать от которой она старалась, посещая время от времени ночные клубы (со слов ее близкой подруги).

«Она не искала там знакомств, – передал ее показания Антонов, – техно-клубы – это вообще не место случайных свиданий. Люди приходят туда побыть наедине с собой, потанцевать под то, что они называют музыкой, выплеснуть из себя негативную энергию и напряжение, которые накапливаются за трудовые будни. А в субботу и воскресенье приходят в себя. Оказываются как бы книгами, из которых вырваны все прочитанные страницы, а впереди только будущее».

В тот вечер Елена пошла в клуб одна.

Почему у нее не было молодых людей? Подруга не знает. Вернее, считает, что Елена по природе своей была слишком разборчивой. Дочь военного и жены военного. Хотя свою щепетильность по отношению к людям Елена могла маскировать самым неожиданным образом, например, на работе с удовольствием ходила курить с коллегой, который дня не может провести без скабрёзных историй и хвастовства. Она даже называла его «хорошим товарищем». Возможно, разглядела в нем что-то.

Но на свидания не ходила. Во-первых, потому что очень уставала на работе, а во-вторых, была пара историй в юности, сразу по приезде в Москву, которые будто подорвали ее доверие к мужчинам. Словно порядочными и надежными они не могут быть в принципе. Поэтому если и было кем-то ска-

зано «волков бояться – в лес не ходить», то это про нее.

А ночные клубы? Это же просто танцы!

Короче говоря, квартира. Он ничего не почувствовал. Только убедился еще раз: люди бывают разные. Кто-то мучается от одиночества, кто-то страдает, живя с кем-то. Как относилась к своей жизни Елена, Тимофей понять не смог. Кем она была по сути – тоже неясно. Возможно, им мог бы помочь профессиональный профайлер, который по мелким деталям обрисовал бы исчерпывающий образ убитой, но такого у них нет. Есть только Антонов – грустнеющий оптимист; есть Варвара и есть он, Тимофей Лотоцкий – то ли грустный, то ли задумчивый полицейский. А может быть, и все сразу: человек, который привык слишком глубоко ощущать внешний мир и совершенно запутавшийся в мире своем, внутреннем.

Искусство любить и просто быть рядом

– Люди разучились читать книги, но научились писать в мессенджерах.

Ворчание Тимофея.

Он сидит рядом с Варварой на скамейке – той самой, что и всегда, возле участка. Оба снова пьют кофе. Десяти-минутная передышка.

Варвара думает о чем-то своем, а у него в руках толстая распечатка всех возможных переписок, которые нашли на телефоне и в аккаунтах убитой. Сорок пять страниц информационного мусора. Антонов подходит ко всему фундаментально, и, если есть возможность что-то распечатать, он это делает. По большому счету, все верно, но что делать с тем потоком бессмысленных слов, который порождает человечество?

Сам Тимофей старается свести свое общение в мессенджерах к минимуму. Даже смайлики не использует, что возмущает Варвару («Можно подумать, ты на что-то обиделся или не в духе»).

И вот теперь в его руках почти полсотни страниц сообщений, которые Елена отправляла или получала за последний месяц. «Привет, как дела». «Пока, до встречи». Милли-

арды видов картинок, которые отображают разные эмоции – от грусти до печали, от радости до восторга. Можно подумать, человечество вернулось в эпоху наскальных рисунков и древней письменности, когда не было алфавитов, а люди фиксировали на камнях и папирусах не конкретные слова, а идеи.

– Но это же не плохо, – возразила однажды Варвара. – История делает очередной виток. Если можно передать настроение или отношение к происходящему с помощью рисунка, почему бы этого не сделать? Ты же лучше нас понимаешь, что устоя и сложившееся положение вещей – это не всегда каркас, а чаще всего клеть. Мне вот проще прислать улыбающуюся рожицу, чем подбирать на клавиатуре нужные слова. Попробуй.

Да, но что делать с потоком ерунды?..

Или это все его, Тимофея, высокомерие? Старческое занудство, что проснулось лет на тридцать раньше, чем следовало? Тимофею всего за сорок, а рассуждает он, как пенсионер: только и делает, что цепляется за какие-то свои представления, не оставляя миру ни единого шанса. Варвара пока его терпит.

Антонов, кстати, предупреждал, что ничего путного в переписке убитой найти не удастся. Если бы эти листы не относились к делу, их можно было выбросить в помойку, и ничего, мир бы не развалился на части.

Может быть, подумал Тимофей, это и есть способ пра-

вильно оценивать свои поступки: понять, что от них останется после твоей смерти. К сожалению, место большинства именно там – в мусорном контейнере. Вот что лучше всего характеризует человека. А чтобы было иначе, нужно уходить в монастырь. Но он-то сам этого никогда не сделает. Лучше останется полицейским и будет помогать делать мир чуточку справедливее.

Поиск опорных точек – именно этим занялись Тимофей и Варвара, когда вернулись в его кабинет, который неофициально стал новым штабом по расследованию «клубных убийств».

У них было свое негласное разделение труда. Тимофей своим чутьем делал «крупные мазки», старался смотреть в самую суть вещей, что пролегают вне логики и слов, а она – его верный товарищ, красавица Варвара, – прорабатывала нюансы. Это она делала, чаще всего привлекая своих верных помощников, IT-бригаду, о которой (и в этом тоже была их негласная договоренность) Тимофей не знал ровным счетом ничего. Для него они были безликие персонажи, космически далекие от него самого, но доказавшие, что на них можно положиться и что мир цифр действительно способен нащупать истину так же точно, как и его необъяснимые «timoфеевские» ощущения.

Варвара была хороша собой. Дело даже не в загадочности, которую он считал первым признаком того, что вместе с ним работает достойный человек. Загадочность сама по се-

бе может оказаться ловушкой (им ли, полицейским, этого не знать!). Но в этой девушке был внутренний стержень, которого ему самому, наверное, как раз и не хватало. Ее стойкость перед любыми сложностями или неудачами – будь то работа или личная жизнь. Хрупкая женщина из вечного камня – так себе сравнение, но другого он пока подобрать не мог.

Он часто видел ее усталой, еще чаще вымотанной, но никогда – поникшей. Пожалуй, только однажды он видел ее растерянной, это было через неделю после того, как она сообщила, что расстается с мужем. Но ни Тимофей, ни кто-либо еще в участке до сих пор не знали, что же там произошло на самом деле: то ли ее супруг устал от одиночества (Варвара появлялась дома реже, чем солнце осенью), то ли он сделал какую-то ошибку, которую она не могла простить. Либо же дело было в банальном отсутствии сил работать над браком. Иногда на это действительно не бывает сил – особенно когда кто-то из супругов половину ночей проводит в поисках преступников, а другой с каждым днем чувствует себя все более беспомощным.

Короче говоря, ничего о своей жизни Варвара не рассказывала, а это означало, что на географической карте их отношений по-прежнему были прочерчены четкие линии, и за них ни он, ни она переступать не решались.

Но, конечно же, как женщина, она понимала, что Тимофей смотрит на нее не только как на коллегу. И наверняка поражалась его выдержке и мудрости, поскольку ни разу

за все время (когда она была замужем или после) он не позволил себе ничего, что выходило бы за границы их товарищества.

Легче ли ей было от этого? Ему точно нет. Но Тимофей – это Тимофей. И несмотря на свои 42 года, он действительно чем-то напоминал 60-летнего старика, который много чего пережил и много что понял. Например, он понимал: ситуацию иногда нужно пустить на самотек, и пусть судьба сама определяет, как им обоим поступать дальше.

Вот и сегодня: прежде чем они перешли к делу, он бросил на нее еще один короткий взгляд и поразился, как ладно сидит на ней одежда (белая блузка), с каким вкусом она в очередной раз подобрала юбку и как красиво ее лицо, на котором, как обычно, было минимум косметики – разве что только губная помада. Что там еще невидимого делают женщины со своим лицом, Тимофей, честно говоря, не знал.

Всем нужен чудотворец

Поиск опорных точек.

Аккуратно разложенные на столе папки. На коленях Варвары – черный блокнот. Перед Тимофеем посреди картонных скоросшивателей с протоколами лежит чистый лист бумаги, на котором он, скорее всего, напишет несколько мыслей или нарисует пару квадратов.

Преступления раскрываются по-разному. Иногда действительно достаточно белого листа и блокнота. Но сегодня будет иначе. Недаром же Антонов, по сути, расписался в своем бессилии, раз попросил у Тимофея помощи не только в «молчаливом допросе», но и в том, чтобы взглянуть на дело под другим углом, раз его, «антоновский», ум завел расследование в тупик. А именно тупиком стоило назвать положение, которое сложилось на сегодняшний вечер, когда Варвара была, как и всегда, собрана и красива, а Тимофей погружен в мысли то ли о полицейском расследовании, то ли о судьбах всего человечества.

На самом деле, он собирался с мыслями, чтобы максимально точно расставить акценты в ситуации, где ничего никому не понятно и никто не знает, что делать дальше.

Первое:

- Три убитые женщины никак между собой связаны не бы-

ли, в этом Антонову можно полностью доверять – доказательств достаточно.

- Значит, дело не в расчетливой мести – например, на почве ревности (которая сама по себе расчетливой не бывает) или давних личных обид, когда, скажем, трое девиц-сокурсниц унижали молодого человека в институте, и тот наконец совершил свой праведный суд.

- Однако из этого не следует, что сами личности жертв для убийцы ничего не значили. Три убийства – это уже и система, и расчет.

- Поэтому вопрос в том, на что именно убийца опирается в своих взглядах. Он же рассудительный человек.

Второе:

- Пока мы говорим о трех преступлениях, но они слишком продуманы и проработаны, чтобы надеяться, что они возникли вдруг из ниоткуда. Серийные убийства – это грибы, а значит, у них есть грибница, и иногда она растягивается на многие километры.

- Нужно поискать похожие случаи и раньше. Возможно, найдутся связи не только с клубами. Техно-вечеринки и поведение людей на них слишком специфичны, так что, я считаю, более ранние и неизвестные нам пока жертвы были оттуда же.

Третье:

- Антонов иногда слишком оптимистичен. Мы не в кино, и водители такси так искусно все не проворачивают, чтобы ни следов, ни зацепок. Работа шофером изматывает, и сил на что-то **большее** не остается. А лишить человека жизни – это вершина.

- Скорее всего, наш объект – завсегдатай клубов, иначе как он научился входить в доверие там, где никто, как правило, не знакомится и не ищет спутника на ночь?

- Однако он не типичный тусовщик, принимающий запрещенные вещества и напивающийся до беспамятства. Его ум свеж. К ночным вечеринкам он подходит как к работе или творчеству, а значит, ценит каждую минуту, ему важен контроль над ситуацией.

- Нужно понять, как такое вообще возможно.

Четвертое:

- Начатые серии сами по себе не заканчиваются. Что мы можем предпринять?

- Скорее всего, ничего. Клубов много, полицейских мало, а полицейских, способных среди сотен человек безошибочно выявить «того самого», еще меньше. Я бы точно не смог.

- К тому же, начав подобную операцию, мы, скорее всего, породим хаос. Придется закрывать глаза на десятки прочих правонарушений (то же распространение запрещенных веществ). Кто-то из наших коллег сумеет это с легкостью, но большинству из них откроется картина, с которой им сложно будет смириться – рассадники порока, которые ни-

кто не закрывает. Конечно, им объяснят, что, если от зла не избавиться, лучший способ – локализовать его и так сохранить хоть какой-то контроль. Но одно дело – слова, а другое – увидеть все своими глазами. Будет бомба с замедленным действием. Нам это не нужно.

Пятое:

- Возвращаемся к личностям убитых. Нормального профайлера у нас нет, мы не в телесериале живем. Но от психологии никуда не уйти. Говорить, что между убитыми нет ничего общего, – ошибка. Их объединяет личность преступника.

- По совпадению или нет, все три были незамужними и молодых людей у них тоже не было. Вопрос: знал ли про это убийца? Если да, то каким образом, если никаких следов в переписках нет (кстати, надо проверить еще раз, действительно ли этих следов нет)?

Шестое:

- Сами клубы, в которых бывали эти девушки. Надо понять, есть ли что-то по факту общее между ними. Я не знаю, как именно твоя IT-бригада работает, но иногда вы из ничего находите связи. Возможно, тут обнаружится нечто подобное: финансы, общие лица или черт знает что еще.

- Возможно, сами клубы – фоновая деталь мозаики, а возможно, во всех них есть что-то, что становится определяю-

ЩИМ.

И седьмое:

- Нам придется с тобой посетить хотя бы один из этих клубов.
- Можно начать с того, где последний раз была Елена. Антонов сообщил, что в ближайшую пятницу у них будет очередная вечеринка. Не знаю, что мне нужно сделать, чтобы стать похожим на этих молодых людей: для меня они – прожигающие жизнь подростки.
- Подумай, какой образ мы можем принять и в какую легенду вжиться, чтобы нас не раскусили уже на входе.
- Сейчас среда. У нас два дня. Мужем и женой мы точно не будем. Реши сама.
- Надежды на то, что Антонов сможет найти убийцу до этого времени, у нас нет. Он хороший полицейский, возможно, один из лучших, но, к сожалению, он не чудотворец.

Можно ли оправдать убийцу?

Судьба полицейского – искать всю жизнь баланс, потому что иначе работа затянет как болото. Полицейская трясина. И пение ее мегер лукаво: «Ты спасаешь мир, а каждую минуту, что бездействуешь, порождаешь мрак». Не такими словами, конечно, но в целом итог чаще всего один – загнанные следователи. Погребенные под горой мрачных воспоминаний и грузом нераскрытых дел.

Тимофей не строил иллюзий – он не лучше многих. И, по большому счету, совсем отключиться от работы он даже по условиям трудового договора не мог – его телефон все время должен быть включен, иногда звонки раздаются даже ночью. Но внутри его самого что-то сохраняло стойкость – возможно, здоровая доля равнодушия?

По крайней мере, сейчас, после рабочей встречи с Варварой, он со спокойной совестью решил пройтись. Одна из его привычек – подышать вечерним воздухом, посмотреть, как меняется город, как живут люди, попытаться понять, каково это – быть частью такого мегаполиса, как Москва.

Сравнения на ум приходили самые разные.

Иногда люди вокруг казались механическими роботами. Особенно если ему удавалось оказаться на улицах в час пик. И тогда он озирался по сторонам и не мог увидеть ничего,

кроме серых глаз и серых одежд – пускай на самом деле они были и не серыми.

А иногда он поражался тому, как люди боятся оставаться в реальности. Или почему тогда каждый второй смотрит в свой смартфон – даже на ходу. Словно в этой квадратной штуковине сокрыты все секреты мира, и без нее человек вдруг перестанет быть человеком.

А порой радовался, если удавалось разглядеть посреди городского лабиринта живое лицо – такие люди казались ему чуть ли не святыми. Потому что если не так, то как им удалось посреди всего этого мельтешения, шума и гама, посреди агрессии, которую, видимо, не убрать из города никогда, сохранить в себе что-то по-настоящему человеческое?

Хорошо, не святость. Но по крайней мере одаренность от Бога.

Но в основном все, что он наблюдал вокруг себя, – это бесконечный ПРОЦЕСС города, который был запущен когда-то давно и который живет с тех пор своей жизнью на этом огромном пространстве, которое кто-то называет Москвой, а кто-то местом, из которого совсем скоро исчезнет что-либо живое.

В этот раз он шел по Сретенке. Позади остался белый храм Живоначальной Троицы в Листах и перекресток с Садовым кольцом. Справа и слева через каждую пару сотен метров возникали переулки. Часть из них вела в сторону Чистых Прудов, а часть – вниз, к Цветному Бульвару. Впере-

ди Бульварное кольцо, которое, в отличие от Садового, действительно осталось бульварным: смесью тысяч машин и тысяч деревьев.

Пара молодых людей обогнала Тимофея на электрических самокатах.

Две женщины увлеченно говорили о чем-то.

Мужчина с маленькой собачкой.

На крышах несколько голубей готовились ко сну (где же они спят?).

В небе – последние остатки солнечных лучей. Почти стемнело. Луны нет. Возможно, новолуние, а возможно, матовые вечерние облака. Тут уж не разберешь.

Навстречу ему шла молодая девушка. Почти нет косметики. Длинная юбка. Лицо сосредоточено. Тимофею она показала почему-то необыкновенно красивой. А вдруг это его призвание – оставаться одиноким? Или он просто раз за разом упускает свой шанс? А может быть, у судьбы на него особенные планы, и все главное в его личной жизни еще не случилось? В конце концов, ему едва за сорок. Самый расцвет для мужчины.

Вечером, добравшись до своей квартиры, он пробовал немного почитать. Но мысли возвращались к трем девушкам, которых кто-то лишил жизни.

С ума сойти, куда могут привести человека внутренние заблуждения и слепая убежденность в собственной право-

те! Конечно, все они – убийцы и преступники в целом, – находятся в своей собственной реальности, не той, в которой живет большинство. И каждый из них находит для себя оправдания. Но самое чудовищное, что для некоторых из них оправдание действительно можно найти.

Тимофей не раз задумывался о том, как загадочно устроена жизнь. И мысли эти порой приводили его к таким выводам, что он сам пугался: имеет ли право полицейский думать в этом направлении?

Взять, к примеру, детские травмы, которые таятся за спиной 99,9 % серийных убийц. Человечество выбрало достаточно удобную позицию: считать всех маньяков априори злодеями, не имеющими права ни на какое сочувствие. В общем, так оно и есть: убитых не вернешь, и сбалансировать ситуацию можно только наказанием, желательно суровым.

Но, с другой стороны, кем бы стал сам Тимофей, будь у него нелюди-родители, истеричка-мать или насильник-отец? Что бы он собой представлял, имей в исходных данных все то, что имеют те, кого принято называть извергами? И если бы у него во вселенной не было ни одной родной души и ни одного места, где он мог бы спрятаться от ужасов мира, кем бы он после этого стал?

Возможно, такие рассуждения бесполезны, потому что способны только запутать. Ему даже Варвара однажды сказала: «Есть устоявшийся взгляд на вещи, и правда заключается в том, что твоя жизнь – их часть». По-своему мудро.

Но достаточно ли для того, чтобы быть правдой?

Безусловно, заговори Тимофей об оправдании убийц, его бы не только уволили из полиции, но и оборвали бы с ним все связи. Но он об этом и не говорит, лишь задается вопросами, которые невозможно игнорировать, если ты умеешь слушать тишину и воспринимаешь жизнь не как набор условностей, а как волшебный непостижимый шар, где собрано воедино все от хорошего до плохого. От справедливого до абсурдного. От света до тьмы.

В половине двенадцатого он лег в постель. Последнее, о чем он подумал, – о женщине, которую видел недалеко от Сретенского бульвара. О той самой, что шла с сосредоточенным видом, в длинной юбке, без яркой косметики и с каштановыми волосами, собранными в хвост. Удивительное создание! Возможно, он имел шанс познакомиться. Но судьба и он сам распорядились тем моментом иначе. Сейчас он засыпает один в своей квартире по соседству с сотнями книг. А она? Возможно, делает то же самое, и в голове у нее те же самые мысли.

Когда-то. Повеселись с нами, детка!

– Добрый вечер. Меня зовут Лена, я работаю в газете «Москва», готовлю репортаж про ночные клубы. Скажите, почему вы пришли на эту вечеринку?

– Это же весело!

– Просто вот так – весело и все?

– Ха-ха, да! Сейчас мы пьем пиво, потому что там оно стоит в пять раз дороже. А потом попляшем.

– Добрый вечер. Меня зовут Лена, я работаю в газете «Москва», готовлю репортаж про ночные клубы. Скажите, почему вы пришли на эту вечеринку?

– Когда танцую, я становлюсь сама собой.

– Это достигается только в танцах и только под техно-музыку?

– М-м... В моем случае, да. Мне кажется, если бы техно-музыки не было, я бы ее придумала. Это часть меня. Движение! Вот даже сейчас: я говорю с вами, а внутри меня играет техно. Я и есть техно!

– Добрый вечер. Меня зовут Лена, я из газеты «Москва», готовлю репортаж про ночные клубы. Почему вы пришли на эту вечеринку?

– Такая красивая девушка – и репортер?

– Так почему?

– Ну, тут можно поймать незабываемые ощущения.

И столько красивых, ярких людей вокруг.

– Вы не устаете? Ведь танцуете всю ночь.

– Конечно. В этом смысл.

– Смысл – устать?

– Нет, взять от момента все, что можно. Понимаете?

– Да, но однажды я побывала на такой вечеринке и всю субботу потом приходила в себя.

– Это плата. За все надо платить. За вход деньгами. За выход – следующим днем.

– Меня зовут Лена, я из газеты «Москва», готовлю репортаж про ночные клубы. Скажите, если бы техно-вечеринки в один момент исчезли, чем бы вы занимались в ночь с пятницы на субботу?

– Ха-ха. Организовал бы вечеринку!

– А вас не беспокоит, что практически все на таких вечеринках нетрезвые?

– Практически все? Да тут все такие! Подождите часа или двух – и вы такого насмотритесь!

– И вас это радует?

– Ну, людям нужно как-то выплескивать энергию. Люди всегда танцевали. В этом же и есть вся **сакральность** – найти ритм, который поведет тебя за собой.

– Вас не интересовал вопрос, почему танцевальную культуру называют именно «культурой»? Что общего она имеет с культурой?

– Ну, это как посмотреть. Садовую культуру ведь тоже называют «культурой».

– А если не спорить о терминологии?

– Я бы сказал, что танцевальные вечеринки – это часть взгляда на жизнь. Ярко прожить момент, взять у жизни все, что она может дать.

– Не оглядываясь на завтрашний день?

– Не оглядываясь. Надо жить в моменте, детка.

– Вам не кажется, что, рассуждая так, вы путаете понятия?

– Нет, не кажется. Какие понятия я путаю?

– Ну, когда говорят о жизни в моменте, то говорят о бесстрастии.

– Из какой газеты, вы сказали?

– «Москва».

– Все бы в Москве были такими философами!

– Завтра, когда вы окажетесь дома, что будете вспоминать в первую очередь?

– Наверное, у меня будет легкая тоска. Знаете, на вечеринке может показаться, что тут черт знает как шумно и полно людей, на которых неприятно смотреть. Но есть множество тех, с которыми я бы провел вот так всю жизнь рядом. Здесь нет того, что окружает нас в повседневности: проблем, уста-

новок, сложностей, которые мы сами себе создаем. Тут мы – просто мы.

– Кто-то бы сказал, что на вечеринках люди прожигают жизнь?

– А ваша задача понять нас или критиковать?

– Понять, конечно.

– Тогда просто выпейте пива и проведите с нами эти несколько часов.

– Я... я не уверена.

– Лена, мы заплатим за билет. Для меня будет большой радостью показать человеку мир, в котором больше мира, чем во всем прочем мире.

Она все-таки попробовала танцевать. В какой-то момент расслабилась и несколько минут ощущала себя счастливой. Потом ощутила себя вне своего тела, а потом открыла глаза и замерла. И была похожа на персонажа с фотографии: толпа вокруг сливается в единую расплывчатую массу, а она – единственная, кто имеет четкие очертания. И взгляд ее, надо думать, испуганный. И все тело ее превратилось в крепость. И душа забилась в страхе.

Из ниоткуда появлялись чудовища, которые только на первый взгляд казались людьми, но глаза у них были дикими и мысли, видимо, тоже.

С трудом она дошла до стены, где обессиленная опустилась на пол. К горлу подступила тошнота – от обезвожива-

ния и удушающего аромата дымящихся палочек вокруг.

Еще несколько часов перед ее глазами мелькали силуэты. Зал сотрясали звуки, которые по ощущениям становились все быстрее и быстрее. Возможно, это время ускорило свой ход. А возможно, времени больше и нет – только плоскость, по которой все постепенно скатывается вниз.

Туда, где бездна.

И под этой бездной – еще одна пропасть.

То есть ничего не имеющее общего со светом.

Ведь именно света ищут люди?

Ведь о нем же они грезят?

Ради него живут свою жизнь?

Свет.

В начале шестого она вышла на улицу. До метро чуть больше километра. В 24 года она впервые возвращалась домой под утро. Лена, газета «Москва». И главное, о чем ей хотелось написать в своей статье, – об ощущении, когда ждешь первого поезда. Вот он появляется вдалеке. И скоро она будет дома.

Эхо прошлого

Пятница. Утро. Тимофей стоит в пробке по пути на работу. До участка остается менее десяти минут езды. По радио играет его любимая классическая музыка. Под лучами солнца фасады домов наливаются яркими цветами, стеклянные стены небоскребов отдают оживающей синевой, а земля, следуя законам природы, меняет свой облик с бело-серого на зеленый – самых разных оттенков.

Весна – время оживающего волшебства. Не только благодаря солнцу или птицам, которые тоже проснулись после зимы, и каждая поет на свой лад. Но и благодаря запахам. Тут их, в пробке посреди Третьего транспортного кольца, нет, но пока он шел от подъезда к машине, то почувствовал этот аромат. И сразу вспомнил, как в юности такие дни и такие запахи пробуждали в нем безумную энергию. Хотелось жить по-новому, закрыть глаза на старое и смотреть только в будущее.

Да, пробка: сотни машин и ничего весеннего посреди запершего автобана. Но все же, если посмотреть в соседние автомобили: женщины становятся красивее, мужчины – мужественнее. Каждая минута ощущается как-то по-новому. И пятница становится не только днем конца рабочей недели, но и просто замечательным днем.

Волшебница-весна.

Впереди был долгий день, который, скорее всего, растянется на сутки, если, конечно, они не только пойдут с Варварой вечером в клуб, но и смогут дотерпеть там до утра. По крайней мере, в этом цель: посмотреть на все взглядом тех, кто проживает ночь полностью без остатка. И, возможно, найти в этом нечто, что приблизит их к разгадке.

Надежд немного, но все же...

Клуб «Хатха». Метро «Динамо». Сколько новых миров откроется ему сегодня ночью? И поймет ли он о жизни еще что-то? Или лишний раз убедится в том, что и так знал до этого?

К девяти утра все трое собрались в кабинете Тимофея на планерку-совещание.

Внешний вид Антонова говорил о том, что если весна живет своей жизнью, то он – своей. Бледное от недосыпа лицо, потерянные глаза: от образа оптимиста ничего не осталось. Каждому время от времени приходится сталкиваться с реальностью – вот и Антонов наконец стал участником расследования, где почувствовал себя не успешным карьеристом или хорошим полицейским, а щепкой в ручье. Беспомощная деревяшка – куда-то плывет, вся намокла, и никому до нее нет дела.

Другое дело – Варвара. По ее внешнему виду всегда можно понять, есть у нее новости или нет. Сегодня они были. Вчера она целый день не вставала из-за стола, переписывалась со своей бригадой, искала зацепки там, где их вполне

могло и не быть, и, судя по всему, что-то нашла. Об этом говорило все: и ее выверенные движения, и острый взгляд, и улыбка – та самая, при которой Тимофей в глубине души жалел, что он для Варвары всего лишь коллега.

– Садитесь, – сказала она.

В руках у Варвары было несколько папок. Хороший признак.

Антонов со стаканчиком кофе сел у стены, боком к Тимофею. Тимофей откинулся на спинку своего кресла и принял выжидательную позу.

– Варвара сообщила, что вы сегодня идете в клуб, – сказал Антонов бесстрастно. – Если вы спрашиваете мое мнение, то я не возражаю. Но предупреждайте о таких вещах заранее. Формально это мое расследование.

Тимофей кивнул. Его вполне устраивало, что данное дело не считалось его личным. Странно в этом признаваться, тем более ему, прошедшему в полиции через многое, но лучше всего он ощущал себя именно в роли помощника. Лишняя слава ему не нужна: в гроб с собой ее не возьмешь.

И такую позицию вполне можно считать мудростью. Так он объяснял Варваре, и она будто бы согласилась.

– Одна из наших опорных точек, – начала Варвара, – попытка понять: случилось ли нечто подобное раньше, или эти три девушки – начало истории.

Антонов смотрел на Варвару, и по его виду трудно было понять, размышлял ли он в таком же ключе. Скорее все-

го, размышлял, поскольку очевидно – отточенные серийные убийства не возникают из ниоткуда. Но в его документах по делу это никак не отражалось, словно тяжелое расследование стало для него не только испытанием, но и удавкой.

– На первый взгляд, – продолжала Варвара, – ничего подобного прежде в серийном формате не происходило. Девушки часто умирали после клубов, в архивах есть информация о таких случаях, но это были либо передозировки, либо психические срывы, которые заканчивались самоубийствами, либо что-то иное. Но сценарии и причины каждый раз оказывались понятны и никак не вписывались в нашу нынешнюю концепцию. Например, в 2020 году на севере Москвы был найден труп девушки, которую тоже задушили, но ее небольшая квартира была полностью обчищена. К тому же убийцу довольно быстро нашли. Список всех рассмотренных случаев и ссылки на материалы у нас есть, и мы всегда можем к ним вернуться.

Варвара на несколько секунд замолчала и положила перед Тимофеем несколько тонких папок.

– Но это если говорить о последних пяти годах. С одной стороны, достаточный срок, чтобы прекратить искать дальше – на 70 месяцев серийные убийцы редко останавливаются, но бывает по-разному. С 2012-го по 2014-й год в Москве произошло несколько убийств, которые меня заинтересовали. Их пять. Промежутки между ними равномерны – в районе полугода. Возможно, были и другие случаи, но мы о них

не знаем. Пять молодых женщин – все задушены, все до единой были накануне в клубах и здорово там напились. Разные районы города, между жертвами также ничего общего. В квартирах никаких следов. Полиция не объединила их в одно дело, поэтому убийствами занимались разные следователи, их фамилии указаны. Женщины действительно абсолютно разные: одни жили скромно, другие казались обеспеченными. Есть студентки, есть возрастом постарше. Одни красивые, другие не очень. Одна из них, кстати, встречалась на тот момент с парнем, но накануне убийства у них что-то разладилось, так что на танцы она, скорее всего, пошла одна, чтобы «проветриться» и отдохнуть от тяжелых впечатлений. Каждая из пяти, судя по вскрытию, умерла под утро – то есть едва вернувшись домой. Имеется одно совпадение: две девушки были накануне в «Прибое»: совсем уж небольшом андеграунд-клубе, где собирались любители такого стиля танцевальной музыки, как psychedelic trance. Он давно закрыт. Кстати, после рейда полиции.

– Мы сходимся на том, что эти пять убийств – дело нашего объекта? – спросил Антонов. В его глазах проснулась заинтересованность.

– Этому нет доказательств, если мы именно про доказательства. К тому же есть промежуток в пять лет, когда ничего не происходило. Но факты я озвучила – их вполне достаточно, чтобы рассматривать связь между теми пятью преступлениями и нынешними тремя. Единственное, что сму-

щает, – на местах тех убийств тоже не было найдено никаких следов, то есть действия преступника и тогда были отработанными. Значит ли это, что он начал еще раньше? Возможно. В делах не упоминается о каких-либо подвигах. Протоколов много: опросы знакомых, опросы сотрудников клуба, но что тут можно сказать – это были девушки, которых никто не запомнил, в какой-то момент они покидали клуб, каким-то образом добирались до дома и там умирали. Тогда в Москве не было столько камер. Дела остались не только не раскрытыми – все они застыли на стартовом этапе.

Тимофей по очереди раскрыл каждую из папок. Пять фотографий женщин. Даже снимки казались какими-то мертвыми – словно фото с паспорта. Убийца в клубе видел их совсем другими.

– Аккаунты в социальных сетях остались? – спросил Тимофей.

– Нет, – ответила Варвара. – Слишком много времени прошло, поэтому они давно удалены. Но я могу попробовать списаться с родственниками – возможно, у них остались более живые снимки.

– Это необходимо. Судя по всему, убийца руководствовался тем, что видел, а не тем, что знал, иначе между нашими жертвами было бы что-то более общее. Возможно, он приходил в клуб, наблюдал за танцующими и выбирал жертву по ее облику. И смотрел на вещи гораздо глубже, чем просто физические данные, – иначе у всех жертв были бы похожие

черты: цвет волос, рост, телосложение. Но этого нет.

– Но как он понимал, что они все одиноки и дома их никто не ждет? – спросил Антонов, который давно утратил образ ведущего следователя, а походил скорее на ученика, который пришел на урок к репетитору.

– Изначально таких вещей он мог и не знать, а понимал это в ходе знакомства, – ответил Тимофей. – Несколько точных вопросов, и он уже знает, что к чему. Возможно, часть жертв он, в конце концов, оставлял, когда понимал, что те пришли в клуб не одни, или дома их ждет подруга, или дом находится там, откуда невозможно уйти незамеченным.

– Нам бы профайлера, – пробормотал Антонов, сминая свой бумажный стаканчик.

– Пока обходимся без него, – ответил Тимофей. – Сегодня вечером мы идем с Варварой в один из таких клубов как обычные посетители. Это единственная возможность что-то понять. Бумаги нам ничего не дают. Возможно, они и содержат полезную информацию, но мы ее не видим.

– Вы уже решили, кем будете? – спросил Антонов, и на его лице появилась добродушная улыбочка-насмешечка.

– Точно не полицейскими, – ответила Варвара.

– Ребята, за километр видно, что вы из полиции, – рассмеялся Антонов.

– Поэтому мы выпьем пива, – ответила Варвара. – И как-нибудь приоденемся.

Тимофей поднял удивленно глаза.

– Мы не пьем на работе, – произнес он.

– А мы и не будем там на работе, – ответила Варвара. – Мы просто пойдем в клуб. Если окажемся совсем трезвыми, туда можно даже не заходить.

На секунду Тимофею показалось, что Варваре просто хочется выпить в его компании. Но даже если и так, то это все равно ошибка. Поэтому он повторил:

– Мы не пьем на работе. И на этот раз пить не будем. Нам не важно, похожи мы на полицейских или нет. Наша цель – увидеть все своими глазами. Танцующие на нас обращать внимания не станут. Бармены тоже. Охранникам достаточно, если мы будем как-то по-современному выглядеть (Тимофей сам удивился, как неловко из его уст прозвучало это «по-современному»). Если мы напьемся, то ничего толкового из этого похода не выйдет. Я не собираюсь тратить попусту семь часов.

– Хорошо, – ответила Варвара, – тогда после рабочего дня мы покупаем одежду. Я уже присмотрела пару магазинов, которые помогут обновить твой облик.

– А тебе ничего не нужно покупать?

– А у меня есть несколько вещей, которые остались с юности. Они мне подойдут. Хорошо, что я их не выбросила.

– Ух ты! – воскликнул Антонов.

«Ух ты!» – повторил про себя Тимофей.

«Молчаливый допрос» и миллион ярких одежд

После полудня Тимофея попросили «молча» допросить подозреваемого в грабежах. Человека обвиняли в том, что тот на протяжении долгого времени был хитрым карманником. Заводил на улице безобидные разговоры, а доверчивые граждане в итоге оставались без кошельков.

Классика!

Актер всегда остается актером. Вот и в течение последнего времени этот 30-летний мужчина пытался играть то одну роль, то другую. Но свыкнуться с тишиной Тимофея у него так и не получилось. В какой-то момент он потерял весь свой шарм и вместо обаятельного человека превратился в жалкого прохвоста. Все в нем дрожало и изнывало, все говорило о том, что внутри него рука об руку существовали тревожность и неудовлетворенность. Это были 60 килограммов мышц, которые считали, что они жалкие по своей сути. И кости, которые стыдились того, что они кости. И мозг, который искал любые возможности, чтобы не принимать себя таким, какой он есть. Комплекс неполноценности, да еще в таких масштабах! Единственный способ его заглушить – это пойти на что-то необычное, чтобы самоутвердиться по-настоящему. Например, обманывать людей и довести свое умение

до совершенства. И вот несколько минут ты – герой. А после этого – победитель, который смог доказать судьбе свое величие, как бы та ни пыталась втиснуть тебя в рамки никчемьша.

На 27-й минуте Тимофей наконец заговорил:

– Вы всю жизнь преодолеваете себя. Это достойно уважения.

По большому счету, сказанное не было ложью. Тимофей абстрагировался от всех условностей и констатировал оторванные от реальности факты.

А следователю сказал: «Это он. Можете давить».

В семь вечера они с Варварой вышли из участка. Настроение у каждого было особое. Варвара, казалось, пребывала в приподнятом расположении духа. Тимофей, как обычно, сам не знал, что испытывает. Он давно перестал давать определения собственному состоянию. Назовешь что-то словами, а оно оказывается не тем. Подбираешь другое – и тут ложь. Поэтому он пытался не думать о себе вообще. Только вот со стороны, наверное, казалось, что он постоянно унывает. Сейчас тоже, по пути в магазин современной молодежной одежды Тимофей наверняка был похож на страдальца, которого ведут на заклатие.

Ну и пусть, он же не супермен.

– У тебя нет задачи быть кем-то другим, – сказала ему Варвара. – Ты просто оденешься не совсем обычно.

Идею пойти в привычной белой рубашке она отвергла («Ты же сам всегда говорил, что нужно не только смотреть, но и *чувствовать*. А чувства идут изнутри. Одежда, конечно, не твой внутренний мир, но и она иногда помогает»). И, как всегда, говорила убедительно.

Поэтому они и поехали в небольшой магазин современной молодежной одежды. Там люди наряжаются, то есть делают все, чтобы быть похожими на ряженых.

В магазине, конечно, все было слишком ярко. Желтые, оранжевые, синие, зеленые цвета – в глазах все перемешивалось. Продавщица, совсем юная девушка, казалось, не обращала никакого внимания на их возраст и на то, что оба никак не походили на молодежь, которая всю эту пестроту носит.

– Мы будем людьми, которые всю свою молодость провели в клубах, – объясняла по пути Варвара. – Там мы, возможно, и познакомились. А сейчас просто решили вспомнить прошлое и освежить отношения. Вечеринка как раз подходит: в полночь начнет выступать DJ, который был очень популярен в нулевые. Сейчас ему за пятьдесят, но он продолжает жить так, как жил до этого. Уверена, мы там будем такие не одни. Хотя кто знает...

В магазине Варвара все взяла в свои руки. В течение какого-то времени выбирала для Тимофея футболку. Попросила пару из них померить. В итоге остановились на той, что имела психоделическую расцветку. Сюжета никакого не было: просто лес, грибы, какие-то существа и надпись, стилизован-

ная под санскрит. Тимофей для себя решил, что не будет сопротивляться. Если Варвара так считает, значит, такая одежда действительно ему идет больше всего, и эта ужасная майка подходит лучше других.

Вдобавок она взяла для него что-то вроде браслета, который Тимофей надел на запястье, и что-то еще похожее – но на шею.

Горчичного цвета льняные штаны (как на убитой Елене) – их тоже пришлось мерить – подошли прекрасно.

Обувь решили не менять – простые белые кроссовки.

В новом обличье Тимофей казался себе дурак дураком, но Варвара, внимательно посмотрев на него еще раз, восхищенно произнесла:

– Класс! – И улыбнулась, по-настоящему довольная, как будто только что исполнилась ее заветная мечта.

– Теперь нужно заехать ко мне, – сказала она. – Женщина тоже должна быть красивой.

Прекрасная Варвара

А что он, собственно, ожидал? Что нарядившись для клуба, Варвара станет менее красивой? Или потеряет часть своего обаяния? Получилось, конечно же, с точностью до наоборот: перед ним предстала настоящая красавица. На какой-то миг Тимофей даже спросил себя: его ли это коллега? Его ли товарищ, с которым он раскрыл столько дел?

Конечно, она. Только теперь на ней был короткий розовый топ. Волосы собраны в тугий хвост. В ушах простые серьги. Косметики как будто стало больше, но что именно она сделала со своим лицом, Тимофей сказать не мог, потому что ничего не понимал в женских уловках.

Белые легкие шорты выше колен. Желтые кроссовки. Ноги Варвары оказались крепкими и мускулистыми – он никогда не видел ее в шортах. На руках несколько браслетов. И весь ее вид говорил: Тимофей, смотри на меня по-новому, но не забывай, что это все та же я – Варвара, твой друг и товарищ.

Он сидел в ее гостиной (первый раз в жизни), а она (так же первый раз за все время их общения) позволила себе покрасоваться перед ним, сделав оборот на 360 градусов.

– Ну как? – спросила она, улыбаясь.

Улыбка простая – без кокетства и какой-либо наигранности. Ей действительно было интересно, что Тимофей думает

о ее внешнем виде.

– Замечательно, – ответил он и тоже улыбнулся.

Что-то между ними поменялось. Но не в тот миг, когда она едва одетой вышла из спальни, а получасом ранее, когда Варвара впустила его в свою квартиру – место, где она еще пару месяцев назад жила с мужем и куда ему, Тимофею, вход, конечно же, был воспрещен.

А сейчас он тут. И чувствует себя черт знает как. С одной стороны, вроде ничего необычного – это же не свидание, и свидания сегодня никакого не будет: они просто пойдут на задание. А с другой – никогда прежде он не заходил на ее территорию – никогда до этого она не подпускала его настолько близко к своей частной жизни. Потому что, как ни крути, квартира – это дом, а дом – это место, где человек остается наедине с собой и где происходят самые интимные в его жизни вещи.

И, конечно же, в этом клубном наряде она выглядела еще моложе. Может быть, на двадцать лет, не больше. Красивые ноги, безупречная фигура. И лицо, на которое он, будь его воля, смотрел бы и смотрел, и черт бы с этой полицией.

А вот ее квартиру он постарался никак не оценивать. Буквально заставлял себя не изучать обстановку. Потому что, во-первых, он невольно начнет делать домыслы и следом придут ненужные выводы. А во-вторых, потому что он боялся: вдруг что-то действительно поменяется? Слишком долго они сосуществовали с Варварой при четко очерченных гра-

ницах: он и она – коллеги, и все так и работало.

А теперь он тут, рядом с ней, в ее доме, и одному Богу известно, к чему это могло бы привести. Поэтому он просто сидел на диване, ждал, пока Варвара в спальне переодевается и приводит себя в порядок. А потом просто принял как факт, что его коллега может быть и такой: девушкой, которую он бы, не задумываясь, назвал самой красивой. А поскольку достаточно хорошо ее знал, то понимал, что она к тому же умна и скромна. А это значит, что ближайшие часы он проведет бок о бок с самым совершенством. Пускай это даже будет непонятный ночной клуб, где с первых минут захочется заткнуть уши и закрыть глаза.

– Ну вот, – сказала она. – Теперь мы на какое-то время пара.

Она могла бы взять его за руку

Перед входом в клуб стояла небольшая толпа подростков. Билеты продавались у входа, оплата картой.

– Раньше их покупали с рук за наличные, – объяснила Варвара.

Сам клуб «Хатха» размещался в ангаре какого-то завода. Ударные были слышны с улицы – они как будто сотрясали стены и все вокруг. Даже деревья притихли. Psychedelic trance – одна из самых агрессивных форм техно-музыки. Очень быстрый темп, полное отсутствие мелодий – только звуки, которые перемещаются по залу и создают ощущение мира, в котором нет ничего от реальности.

– Раньше этот стиль был очень популярен, – рассказывала по пути Варвара. – А его истоки вообще идут от эпохи рейва – середины девяностых. Это было что-то от движения хиппи, но на новый, электронный, манер. Послать к черту серую реальность и условности мира, где все решают деньги и искусственные социальные установки. Погрузиться в мир танца и попутно открыть в самом себе новые вселенные, которые помогут подняться над всей этой повседневной ерундой.

– Это ты в интернете прочитала? – Тимофей был удивлен, потому что Варвара рассказывала так увлеченно, как человек, который знаком со всем этим не понаслышке.

– Не только. Важно, что, как и любое явление, рейв – это действительно не просто танцы и вечеринки, а целая культура, то есть система ценностей. Вечеринки же – это вроде храма, где все единомышленники собираются вместе и где происходит единение. Понятное дело, что все клубы, и у нас, и везде, стали центром распространения наркотиков. В основном тех, что расширяют сознание, а затем и тех, что помогают провести всю ночь «в движении». Поэтому в такие клубы полиция всех стран постоянно устраивает рейды. Чаще всего ближе к утру, когда картина с этой точки зрения становится наиболее четкой.

«Не новость», – подумал Тимофей.

– Если рассуждать про массовость рейва, – продолжала Варвара, – то его пик пришелся на конец девяностых – начало нулевых. Даже в Москве проходили крупные party, на которых собирались тысячи людей. Параллельно, конечно, проходила масса андеграунд-вечеринок – то есть не настолько коммерциализированных мероприятий, где играла музыка не для широкой публики – самые жесткие варианты техно. Тот же psy-trance, на который мы с тобой идем сегодня. Такие вечеринки могли проходить где угодно. Например, организаторы могли договориться с руководством детского сада и арендовать их актовый зал. Или подвалы. Или изжившие себя помещения ДК. Все, что нужно для проведения мероприятия, – это немного украсить зал психоделическими декорациями, пригласить диджея и запустить ре-

кламу на тематических форумах.

А летом устраивались так называемые опен-эйры – вечеринки на открытом воздухе. Я, кстати, школьницей однажды была на такой. Смысл в следующем: берется какой-нибудь загородный пансионат. Место проведения не называется, гостей туда свозят автобусы, которые отправляются с условной точки, скажем, от метро. И все: целые сутки веселья. Пансионаты хороши тем, что поблизости нет жилых поселков: никто про эти вечеринки не знает и не может пожаловаться. Касса вся «черная», прибыль фантастическая. Все по законам бизнеса: кто-то живет идеей, а кто-то на этом хорошо зарабатывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.